

А. И. ГУЧКОВ

<«Я Колчака высоко ценил как моряка, как администратора»>

Гучков: Положение удалось провести, и затем там, где командный состав сумел их приручить, комитеты не всегда играли плохую роль. Лучше бы их не было, но была мысль о том, что это совершившийся факт. Оставалось только одно: прибрать их к рукам, чтобы они не были чисто революционными, по возможности обезвредить. Некоторые из командного состава пошли очень далеко. Колчак, который очень умел к себе привязать, он как раз комитетами воспользовался для этого. Путем известного давления он ввел в состав комитета своих людей, так что они были представителями интересов матросских масс, но скорее его скрытыми агентами по внедрению успокоения и известных правил дисциплины.

Базили¹: Удивительное явление, что Черноморский флот был в порядке, а Балтийский в полном беспорядке.

Гучков: Это объясняется тем, что в Балтийский флот взрыв сейчас же передался, командный состав растерялся, и быстро возникли революционные эксцессы. С самого начала они вырыли известную яму. Кронштадт окопался и был самостоятельной республикой. Там были арестованы морские офицеры, мы не могли их освободить. Там было революционное гнездо, которое распространяло свою заразу повсюду. Черноморский флот был географически отдален, это дало командному составу возможность подготовиться.

А затем совершенно исключительная личность адмирала Колчака: он с самого начала понял фатальность этой войны, как-то личным соприкосновением с матросскими массами внушил им доверие к себе в том смысле, что он не представитель реакционных течений, желающих повернуть назад. Он быстро признал новое положение вещей, очень охотно пошел на бытовые изменения в матросской среде и чрезвычайно быстро получил доверие матросских масс. Этим он так долго держался. Он сделал ряд других уступок второстепенного характера, не выпуская из рук основ, этим сразу вселив доверие к себе. А в Балтийском флоте был невероятный хаос. Не было никого, кто в своих руках объединил бы все: ряд убийств вывел из строя выдающихся людей, остальное было второстепенно. Были случаи большой демагогии со стороны командного

состава, особенно адмиралов Максимова и Кедрова, который имел особое наблюдение за Балтийским флотом... (Разговоры просят не заносить в стенограмму.) ...Розыски морского министра. Я лично остановился бы на Колчаке. Я Колчака высоко ценил как моряка, как администратора. С самого начала я подумал, что без гражданской войны и контрреволюции мы не обойдемся, и в числе лиц, которые могли бы возглавить движение, мог быть Колчак. Я думал и о Гурко², об Алексееве, но меньше, а Колчак представился мне подходящей фигурой, но я боялся его взять с Черного моря потому, что первые дни он там овладел положением. Поэтому если вызвать его в Петербург, то мы потеряли бы [достигнутое там]. Тогда я посоветовался с Савичем, и мы решили с ним пойти посоветоваться с адмиралом Григоровичем, который был одним из немногих министров, еще не арестованных. Он меня не жаловал, потому что я не был сторонником его назначения. Когда ушел Воеводский, была борьба за это, мой кандидат был князь Ливен.

Так вот, мы отправились к Григоровичу, он сидел в Морском министерстве, его не трогали. Я ему объяснил положение и говорю: «Помогите мне найти самого подходящего моряка, какой только у нас есть». Помню как сейчас, он взял маленькую толстую книжку чинов морского ведомства, и мы втроем просто пошли по списку, он все браковал, особенно старших, и в конце концов получилось три у нас: Колчак, Кедров, молодой адмирал из капитанов I ранга, третий был адмирал Бахирев, которого я мало знал. Когда мы этот список составили, надо было выбрать одного, было колебание между Кедровым и Колчаком, и только вот это соображение, что он совладал на юге и как бы его уход оттуда не повел к развалу здесь, заставило остановиться на Кедрове. Он согласился, был вызван. Вот [что получилось], по оценке Григоровича, который знал [командный] состав, причем, надо сказать, Григорович ни Колчака, ни Кедрова не жаловал и старался быть объективным³.

**<«Среди сухопутных генералов я не знал никого,
кто мог бы в этом отношении сравниться с ним»>
<Из письма А. И. Гучкова Д. В. Филатьеву>**

Глубокоуважаемый Дмитрий Владимирович, Вы сняли большую тяжесть с моей души. Мысль, что я нанес Вам большой, м<ожет> б<ыть>, непоправимый ущерб, если этот экземпляр был единственным, (а о втором, находившемся у М. С., я не знал), очень меня мучила. Очень рад, что Вы так добродушно отнеслись к моей оплошности.